

1

С. КИНДЯКОВА

МЕАНДР

СТИХИ

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОДРУЖЕСТВО

ВАРШАВА

1 9 3 2

2
Глубокоуважаемой и дорогой
Елене Ивановне Гёрих

от преданного автора

С. КИНДЯКОВА

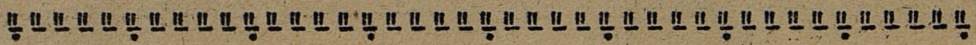
МЕАНДР

С Т И Х И

ЛИТЕРАТУРНОЕ СОДРУЖЕСТВО

ВАРШАВА

1 9 3 2

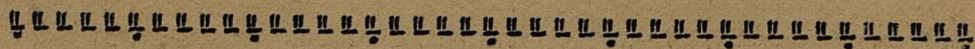

" "

Часы бѣгут... и нѣтъ тебя со мною.
Зажглись мѣры на небесах нѣмых,
Зажглись огни на улицах пустых,
И заперто окно рѣшеткой ледяною.

И я одна. Блеснул на снѣга слѣдъ
Луч фонаря. И в сердцѣ луч горит:
Там, у постели, в столикѣ лежит
Письмо, что прислано два дня назад то-
бою.

1930.

" "

Есть в сердцѣ чувства: нѣтъ им выраженья
На смертнаго убогом языкѣ.
В них все - порыв и страсти устремленье,
Блеск молніи в Зевесовой рукѣ.

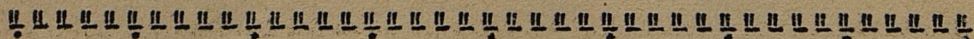
В них мертвых душ безмѣрное томленье,
Харона скрытых в мрачном челнокѣ,
Морской сирены вкрадчивое пѣнье,
И вѣтра плач в засохшем тростникѣ.

В них лед зимы и жар палящій лѣта,
Гнѣвъ ненависти, міра благодать,
И тайны неразгаданной печать,

Сіяніе звѣзды незримой свѣта...
Но нѣтъ в словах на чувства тѣ отвѣта:
Одно лишь сердце может их понять.

1924.

МИШКА

В дѣтствѣ помню я игрушку...
Я любила с ней играть!
Спрятав Мишку под подушку,
Сладко было засыпать.

На диванчикѣ в угольной,
Помню, Мишка мой лежит,
И, хотя ему не больно,
Как надавишь, он пищит.

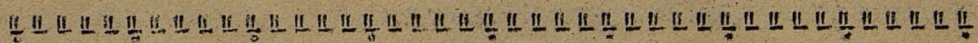
Он мохнат был, как чертенок,
Уши, хвостик, - как живой!
Миша, Мишка, Медвѣжонок
С мягкой круглой головой!

Ну, а нынче - не игрушка...
С новым Мишкой гдѣ играть!
Ночь без сна, в слезах подушка,
Не дает мнѣ Мишка спать.

А при встрѣчѣ вдруг невольно
Разобидишь, - что за вид!
Но, хоть Мишкѣ очень больно,
Зубы стиснет, а молчит.

Наяву или спросенок
Мишка всюду предо мной!
Миша, Мишка, Медвѣжонок
С умной круглой головой!

1930.

" "

Сползала тѣнь по звѣздному узору,
Все тяжелѣй сгущались облака.
За шагом шаг мы поднимались в гору
Впивалась в руку цѣпкая рука.

Изыт был путь морщинами извилин,
Огонь зарниц то гаснул, то пылал,
Листва гудѣла... И незримый филин
В незримой чащѣ глухо прокричал.

Сорвался вѣтер. Молніи извивы
Черкнули знак загадочных писъмен...
В раздумьи ты склонился молчаливо
Знаменій рядом тягостно смущен.

Оставь! Не вѣрь! Дни счастья иль недѣли,
Жизнь иль конец готовит нам судьба -
Не все ль равно? Лишь надо смѣть: мы смѣ-
ли,
И час был наш, и что нам ворожба.

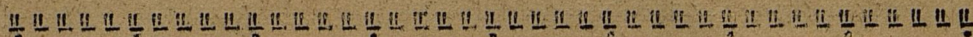
1930.

КРАКОВСКОЕ ПРЕДМЪСТЬЕ

Несутся в ряд автомобили,
Пестрят огни цветных реклам,
Грохочет в дымкѣ сѣрой пыли
Вечерних улиц шум и гам.
В кричащем блескѣ рѣзких пятен
Затмился неба звѣздный лик,
И голос міра непонятен,
И слух внимать ему отвык.

И рвется сердце на приволье,
Туда, гдѣ нѣтъ кирпичных стѣн,
Гдѣ нагло не торчит дреколѣ
На крышах выросших антен,
И гдѣ в мгновеньи уходящем
Спѣшит душа, объята сном,
Забыть на миг о настоящем
В воспоминаньи о былом.

1928.

Словно мёлом, помеченный точками -

Желто-бѣлыми липкими почками,
 Наклонился и дремлет каштан,
 Изумрудное небо вечернее...
 Тонких вѣток чеканию чернью
 Разсѣвается звѣзд караван.

Но не дышет тепло запоздалое,
 Еще мерзлой улыбкой усталое
 Усмѣхается профиль луны,
 Не грусти! Ледь весною расплавлены,
 На зимѣ уже точки поставлены
 Шаловливой рукою весны.

1929.

МОРСКОЕ ОКО

/озеро в татрах/

В горах пролитое высоко
Велѣньем силы неземной,
В простор небес Морское Око
Глядит бездонной синевой.

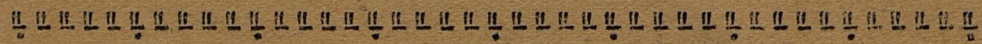
Хранит средь вѣчнаго молчанья
Зелено-каменный потир
Тѣх вод-могучим мірозданья
Рѣзцом шлифованный сапфир.

И пред его недвижным взором
Отжив, проносятся вѣка,
Судьбы гонимы приговором,
Как вихрем бури - облака.

Но их бѣгущим отраженьям
Тѣх вод не замутишь хрусталь,
И Око с прежним напряженьем
Глядит в космическую даль.

1928

9

ПРИЛИВ

За распахнутой дверью балкона
 Легкой чайкою вился туман...
 В чешуё серебристой дракона
 Подползал по пескам океан.

Мѣсяц облачной пряжею бѣлой
 Ткал с улыбкой прозрачный наряд,
 Одѣвая горячее тѣло
 Словно пѣной жемчужной наяд.

Раскрывали и жмурили очи
 В незнакомой дали маяки,
 И скользило дыханіе ночи
 По плечам лаской нѣжной руки.

За распахнутой дверью балкона
 Легкой чайкою вился туман,
 И, взмывая, как крылья дракона,
 Разбивался у стѣн океан.

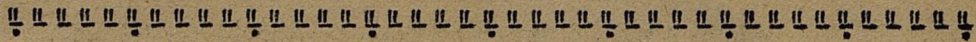
1930.

И И
И

Будто фави разлетшись смѣло,
Скинувъ тягостный нарядъ,
На травѣ вдыхаетъ тѣло
Хвоя терпкій ароматъ.
Буйной мысли нѣтъ преграды:
И невольно ищетъ взоръ:
Не бѣгутъ ли орады
Изъ разсѣлинъ близкихъ горъ?
И когда слетаетъ въ вѣтрѣ
Звукъ невнятныхъ голосовъ -
То не гимнъ поетъ Деметрѣ
Хоръ аркадскихъ пастуховъ?
Иль пространству нѣтъ границы?
Гибнетъ разница временъ?
Чу... звенитъ въ тѣни цѣвница
У дорическихъ колоннъ.
Олимпійскіе чертоги
Вновь раскрылись, чтобъ ожить,
И нисходятъ къ смертнымъ боги
Не карать ихъ, а любить.
И дѣйствительность безсильна...

Вдруг... пронзительно высокъ,
На сосѣдней лѣсопилнѣ
Взвыл назойливо гудокъ.

Миг - и нѣтъ очарованья.
Чувствъ разсѣялся обманъ,
Но в природы ликованьи
Все-ж ты живъ, Великій Панъ !

1928.

ВЕНЕЦІЯ

Черны, как ночь, на землю пали тѣни,
Что бросил свѣтъ колдующей луны,
И мрамором одѣтыя ступени
В густую тьму уже погружены.

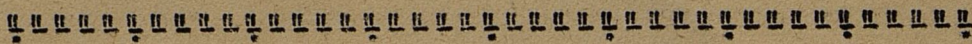
И волны тихо край их омывают...
Трепещет зыбью дремлющій канал,
Улыбку звѣзд привѣтно отражает
В нѣмом дворцѣ паркет пустынных зал.

Рѣшетки окон в кружевѣ ажюра
Минувших жизней повѣсти хранят.
Спит кипарис... и, грезя, льет датура
Из чаши бѣлой благовонный яд.

Скользит в саду полотен Тиціана
Знакомый образ - в локонах лицо,
И у перил, при лепетѣ фонтана,
Гондолу ждет зацвѣтшее кольцо.

Сквозит рѣзба на стрѣльчатом балконѣ,
Тяжелой страстью дышит старый лавр,
И, чудится, навстрѣчу Дездемонѣ
Спѣшит любовью опьяненный мавр.

Венеція, ты спишь на водном ложѣ!

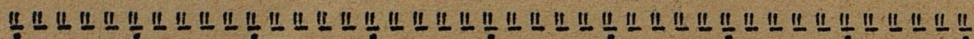

Ползут вѣка, мѣняются пути,
Но шепчет Вздохов Мост, Палаццо Дожей
Про львиный зѣв Совѣта Десяти;

Про догаресс, пиры и договоры,
Колоколов лепантских гордый звон,
И про небес лазурнѣйшіе взоры
В жемчуг и яхонт убранных мадонн.

И вѣчная канцона гондольера,
Времен сразив завистливый черед,
Про forza dell' amore, dell' altiera,
До наших дней восторженно поет.

1926.

В ГОНДОЛѢ

Тебѣ, Венеція, жемчужина морей,
Я шлю привѣтъ мой тихій, запоздалый...
Прими его, как стон души моей,
Души измученной, и скорбной и усталой.
О, как ты хороша! Волшебный, странный сон
Истомой сладостной мое чело объемлет.
В прозрачном сумракѣ, в тиши, со всѣх
сторон

Громада пышная дворцов зубчатых дремлет
И нѣгой дышет ночь... Недвижная луна
Лагуны спящія спокойно озаряет;
Чуть вѣет вѣтерок, и зыбкая волна
Лучем серебряным капризно колышет.
На темном бархатѣ канала свѣжих вод
Безшумна и легка скользит моя гондола:
Rialto бѣлаго прохладный, мшистый свод
Играет звуками чуть слышной баркареллы,
И длиннаго весла ей вторит влажный
всплеск.

Палаццо стараго обросшія ступени,
Свидѣтели времен, когда роскошный блеск
Былых патриціев не знал досадной тѣни,
Манят взойти опять на звонкій мрамор плит.
Узорных фонарей цвѣтисе отраженье
На лонѣ трепетном причудливо дрожит,
И цѣпью тянется в безсчетном повтореньи...

АФИНЫ

Все ближе берег, обожженный
Лучей огнистою струей...
Змѣится слѣд, винтом вспѣненный,
За корабельнскую кормой.
На зносе опаленных скатах
Букеты сѣрые маслин,
Чуть дышет дремою объятый
Эгейских волн ультрамарин.
Все ближе... вот... в благоговѣньи
Восторга трепет не тая,
Гляжу. Склоняются колѣни
К тебѣ, афинская земля!
Акрополь! На скалѣ высокой,
Звучащій струнами колонн,
Про мощь Паллады темноокой
Поет безсмертный Парфенон.
К нему всходя, потупя взоры,
На звонкій мрамор Пропилей
Вступали плавно канефоры
В священный день Панафиней.
И чрез вѣков скользящих смѣны,
Разбивших в прах Эллады цикл,
Хранят задумчивыя стѣны
Тѣ рѣчи, что вѣщал Перикл.
Ты пала, Аттика, для свѣта!...

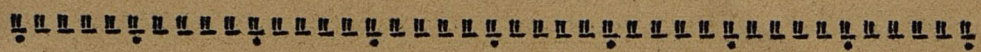

ЭЛЛАДА

Цвѣтет зеленый лавр. Зефира дуновенье
Ласкает муравой покрытия поля,
И, внемля пестрых птиц немолкнушему пѣнью,
Под солнцем нѣжится ожившая земля.
В струях его лучей купаются стрекозы;
Мелькает в воздухѣ их крыльев изумруд;
Листочки распустив, забыли страх мимозы
И жарких лѣта чар нетерпѣливо ждут.
Поет вдали свирѣль доврчиво и вольно
Желаній пѣснь земных, и счастья, и утѣх;
Ей ствѣчает лѣс, простершись богомольно,
И эхо свѣтлых нимф несет веселый смѣх.
Их рѣзвы и легки нагѣ хороводы, -
Цвѣтов живых весной сплетаемый вѣнок -
С улыбкою красу их отражают воды,
Цѣлуя берега дымящійся песок.
И в этот ясный миг природы обновленья
Весь мир - одна любовь, один священный
храм,
Раскрытых жизни тайн благое откровенье,
На вѣчном алтарѣ куримый Фиміам.
И голос Божества так близок и понятен.
Не смертью, не тоской - он радостью зву-
чит.
В небесной космоса гармоніи он внятен
И в шелестѣ травы он смертным говорит.

1927

NOX ATTICA

На раскинутых темным шатром небесах
 Зажигает созвѣздья Геката.
 Полон воздух недвижный в затихших садах
 Олеандров и мирт аромата.
 Серебристым сіяньем залит Парфенон,
 Вѣет лаской дыханье долины,
 И покоится город; во снѣ погружен,
 Под эгидой Паллады-Афини.
 И в гармоніи міра земная краса
 С небожителей радостью слита...
 В эту жаркую ночь ты творишь чудеса,
 Я пою тебѣ пѣснь, Афродита!
 От улыбки твоей расцвѣтает весна,
 Наливается зрѣющей колос,
 И, к утесу прильнув, замирает волна,
 Твой услышав божественный голос.
 Ты предвѣчныя тайны вливаешь в сердца,
 Ты вселенную смертным открыла!
 Раб с тобою не жаждет неволи конца,
 Без тебя и в чертогѣ - могила.
 Ты - блаженство и жизнь. Твоя движет рука
 Безпредѣльную мощь мірозданья.
 Твоя грозная власть так свѣтла и легка,
 В твоём храмѣ нѣтъ жертвы страданья.
 ...Я пою не одна - все ликует вокруг:

76